

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/357562299>

Challenging Social Capital Theory: What Is the Correlation Between Religious Involvement and Civic / Political Engagement? A Case for Chilean Evangelicals

Article in *Государство и граждане в электронной среде* · December 2021

DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-4-247-278

CITATIONS

0

READS

70

3 authors:

Evguenia Fediakova

University of Santiago, Chile

21 PUBLICATIONS 146 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

Vicente Espinoza

University of Santiago, Chile

59 PUBLICATIONS 897 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

Víctor Fernández

Universidad de las Américas (Chile)

10 PUBLICATIONS 4 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

ЕВГЕНИЯ ФЕДЯКОВА, ВИСЕНТЕ ЭСПИНОСА,
ВИКТОР ФЕРНАНДЕС

Оспаривая теорию социального капитала: корреляция религиозности и гражданско-политического участия среди чилийских евангеликов

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-247-278>

Evguenia Fediakova, Vicente Espinoza, Victor Fernández

Challenging Social Capital Theory: What Is the Correlation Between Religious Involvement and Civic/Political Engagement? A Case for Chilean Evangelicals

Evguenia Fediakova — Institute of Advanced Studies at Universidad de Santiago de Chile (IDEA-USACH). evguenia.fediakova@usach.cl

Vicente Espinoza — Centro de Estudios de Conflicto y Cohesión Social (COES) (Chile). profespinoza@gmail.com

Victor Fernández — Institute of Advanced Studies at Universidad de Santiago de Chile (IDEA-USACH); Programa de Intervención Comunitaria, Universidad de las Américas (Chile). victorfdez@gmail.com

This article analyzes the role of Chilean Evangelical and Pentecostal churches in the building social capital, considering its form, and its effects on the socio-political development of civil society and the quality of democratic life. The diversity of the Evangelical field in Chile demands a thorough review of Evangelicals' interaction with politics and society. Our results show that Evangelicals and Pentecostals, compared to the Catholic population, have higher involvement in voluntary associations and lower interest in politics. Evangelicals expect their religious authorities to play an active role in the political field while overall, en masse, they are less involved in politics and less concerned in defining their political identity than their Catholic

Статья получила поддержку от проектов FONDECYT 1130220 и 1171426, а также COES. CONICYT/FONDAP/15130009

compatriots. This finding, to some extent, goes against the theory of social capital, which assumes that involvement in religious activities results in increased civic participation in general. Data for the study come from a national sample of Evangelicals (n=754).

Keywords: Evangelicals, Pentecostals, social capital, civic engagement, religion, Chile.

Введение

В ЛИТЕРАТУРЕ по социальному капиталу подчеркивается роль религии как важнейшего источника этого ресурса, поскольку религия предлагает регулярное взаимодействие в пространстве, которое мотивирует к постоянному участию¹. Наличие социального капитала должно положительно влиять на гражданское поведение, поскольку практика обсуждения, терпимости, уважения и типичные альтруистические ценности христианских церквей способствуют созданию доверия к институтам, гражданскому участию и демократическим ценностям. Немногие исследователи сравнивали формы социального капитала в разных религиях, хотя есть основания предполагать, что между ними существуют различия².

В Чили, в отличие от других стран Латинской Америки, появление евангеликов на политической арене не получило массовой поддержки, но участие их лидеров в общественной сфере заставляет задуматься о том, в какой степени их гражданские привычки и оценка демократии отражают социальный капитал, характерный для этих церквей. Недавние исследователи анализируют политическое участие евангеликов в Чили, основываясь на взглядах и деятельности религиозных лидеров и рассматривая церкви как организации³. В отличие от исследований, посвященных церквям как институтам, в данной работе основное внимание уделяется

1. Putnam, R., Campbell, D. (2010) *American Grace. How Religion Divides and Unites Us*. New York: Simon & Schuster.
2. Park, J., Sharma, G. (2015) "Religion and Social Capital: Examining the Roles of Religious Affiliation and Salience on Parental Network Closure", *Religion & Education* 2: 162–167.
3. Mansilla, M. A. (2018) *Evangélicos y política en Chile, 1960–1990: Política, apoliticismo y antipolítica*. Universidad Arturo Prat del Estado de Chile. RiL Editores; Mansilla, M. A., Orellana Urtubia, L., Panotto, N. (2018) "La participación política de los evangélicos en Chile (1999–2017)", *Revista Rupturas* 9(1): 175–204.

общественному участию членов религиозной общины, а не участию в общественной сфере церковей как организаций.

Мы рассмотрим, как коммунитарные практики в евангелических церквях — скорее всего, связанные с теологией или доктриной — переходят в принципы, которые определяют установки и деятельность их членов в вопросах, представляющих общественный интерес. В этой статье мы сравниваем социальный капитал евангеликов, протестантов и католиков в Чили. Мы показываем различия между социальным капиталом евангеликов и католиков, а также некоторые различия между евангелическими традициями. Цель нашей статьи — обсудить взаимосвязи между религией и социальным капиталом в стране со средним уровнем дохода и доминирующей католической традицией.

Есть конкретные причины, почему важно изучать сегодня взаимосвязь между религией и социальным капиталом в Чили — прежде всего, это тенденции вертикальной социальной мобильности, которая имела место в последние три десятилетия. В течение XX в. в Чили число евангелических и особенно пятидесятнических церковей стремительно росло. К ним принадлежала значительная часть бедного населения, особенно сельских мигрантов. В одном из исследований 1960-х гг. евангелические церкви были названы «убежищем масс», то есть пространством, которое защищало сельских мигрантов, оказавшихся в городах, от аномии⁴. Процесс капиталистической модернизации, пережитый Чили за последние три десятилетия, охватил все население, поэтому сейчас все чаще можно встретить университетских профессоров, парламентариев или видных бизнесменов евангелической ориентации⁵.

Сначала мы обсудим существующие теоретические подходы к изучению евангеликов и социального капитала; затем мы представим историческую справку о некатолических христианах в Чили, а также классификацию евангелических традиций в исторической перспективе; далее мы рассмотрим некоторые публикации, посвященные чилийским и латиноамериканским евангеликам. Мы также представим методы и данные, использованные в исследовании, и обсудим результаты опросов. Наконец, в выводах мы вернемся к основной аргументации.

4. Lalive D'Epinay, Ch. (1968). *El refugio de las masas*. Santiago: Del Pacifico.

5. Lindhardt, M. (2016) *New Ways of Being Pentecostal in Latin America*, pp. 151–164. Laham: Lexington Books.

Теория социального капитала и евангельские христиане в Латинской Америке

Современные исследователи пересмотрели и обновили тезис о пятидесятничестве как об «убежище для масс»⁶. Мартин⁷, а также Столл⁸ подчеркивают разнообразие евангелических традиций в отличие от подхода 1960-х, когда их рассматривали, скорее, как однородную группу. Они указывают на рост чиста евангеликов, а также увеличение их влияния в латиноамериканских обществах. В том же ключе Бастиан⁹ обратил внимание на «мутации» в латиноамериканской религиозной сфере с 1960-х гг., характеризующиеся тем, что Католическая церковь утратила монополию на производство «символических продуктов» (*symbolic goods*) перед лицом возросшего значения культурных и политических требований евангелических церквей. С 2000-х гг. исследования евангеликов Латинской Америки фокусировались на растущем политическом влиянии их церквей¹⁰.

В Чили Фонтен и Бейер¹¹ начали новую серию исследований о христианах-некатоликах, обновив информацию об их социальном положении и политических предпочтениях. Клири и Сепульведа¹² показывают неоднородность пятидесятников в исторической перспективе и разрушают некоторые стереотипы о евангеликах, которые получили распространение в общественном мнении и даже в общественных науках. Что касается их политических позиций, Сепульведа¹³ утверждает, что, несмотря на политический прагматизм, пятидесятники сейчас расстают-

6. Lalive D'Epinay, Ch. *El refugio de las masas*.
7. Martin, D. (1990) *Tongues of Fire*. Blackwell Publishers, Oxford.
8. Stoll, D. (1990) *Is Latin America Turning Protestant? The Politics of Evangelical Church*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
9. Bastian, J. P. (1997) *La mutación religiosa en América Latina. Para una sociología del cambio social en la modernidad periférica*. México: Fondo de Cultura Económica.
10. Freston, P. (1998) "Pentecostalism in Latin America Characteristics and Controversies", *Social Compass* 45 (3): 335–358; Freston P. (2004) *Evangelicals and Politics in Asia, Africa and Latin America*. Oxford University Press.
11. Fontaine, A., Beyer, H. (1991) "Retrato del movimiento evangélico a la luz de encuestas de opinión pública", *Estudios Públicos* 44: 63–124.
12. Cleary, E., Sepulveda, J. (1998) "Chilean Pentecostalism: Coming of Age", in E. Cleary, H. Stewart-Gambino (eds) *Power, Politics and Pentecostals in Latin America*, pp. 97–122. Boudler: Westview Press.
13. Sepúlveda, J. (1999) *De Peregrinos a Ciudadanos. Breve historia del cristianismo evangélico en Chile*. Santiago: Fundación Konrad Adenauer.

ся со своим прежним положением «пилигримов» и обретают сознание своих прав как религиозного меньшинства. Линдхардт¹⁴ сосредоточился на изучении бедных пятидесятников, подчеркивая их активную миграцию из одной церкви в другую, что связано с конкуренцией между пасторами.

Роль евангелических церквей в развитии гражданских и коммуникативных практик широко признана¹⁵. Даже не принимая прямого участия в политической жизни, церкви вовлечены в решение общественных проблем, поскольку ставят вопросы, представляющие национальный интерес, и создают структуры для защиты отдельных людей и сообществ¹⁶. Евангелические церкви также помогают развивать среди своих верующих гражданские навыки политического участия — такие как организационные способности, опыт работы в команде, сбор средств или навыки публичных выступлений, — то есть ключевые культурные ресурсы для действия в общественной сфере¹⁷. Это указывает на наличие взаимосвязи между религиозной идентичностью и производством социального капитала.

На уровне интуиции вывод о том, что представляет собой социальный капитал, довольно прост: люди или группы, тесно связанные между собой, действуют успешнее, чем когда они действуют поодиночке. Индивиды или сообщества с социальным капиталом быстрее растут, лучше защищены от кризисных или разрушительных ситуаций, получают больше внимания со стороны других акторов. Проблема заключается в определении того, что означает «быть тесно связанным» — необходимая квалификация в латиноамериканских обществах, для которых характерны бедность, неравенство и социальная изоляция. Хотя концепция социального капитала возникла не в Латинской Америке, она перекликается с аналогичными разработками в регионе. Фактически озабоченность общественным участием бедных и рабочих классов в XX веке

14. Lindhardt, M. (2012) *Power in Powerlessness. A study of Pentecostal Life Worlds in Urban Chile*. Leiden-Boston: Brill; Lindhardt, M. (ed.) (2016) *New Ways of Being Pentecostal in Latin America*. Lanham: Lexington Books.
15. Putnam, R., Cambell, D. (2010) *American Grace. How Religion Divides and Unites us*. New York: Simon & Schuster; Park, J., Sharma, G. (2015) “Religion and Social Capital: Examining the Roles of Religious Affiliation and Salience on Parental Network Closure”, *Religion & Education* 43(2):162–167.
16. Rudolph, S. (1996) “Transnational Religion, the State and Global Civil Society”, in Rudolph, S., Piscatori, J. *Transnational Religion & Fading State*, pp. 1–26. New Jersey, London: Routledge.
17. Williams, R. (1999) “Visions of the Good Society and the Religious Roots of American Political Culture”, *Sociology of Religion* 60(1):1–34.

шла рука об руку с развитием общественных организаций, призванных содействовать социальной сплоченности и интеграции. Более того, различные формы общинной кооперации породили устойчивые институты управления местными ресурсами¹⁸.

Роберт Патнэм предложил известное определение социального капитала как «характеристики социальной жизни — сети, нормы и доверие, — которые позволяют участникам действовать вместе более эффективно для достижения общих целей»¹⁹. Это определение объединяет сети, нормы и доверие и развивает точку зрения Джеймса Коулмана, согласно которой социальный капитал включает в себя характеристики общественной структуры, которые облегчают определенные действия некоторых участников этой структуры²⁰.

Возражения против определения Патнэма сводились к тому, что наличие внутренних связей с группой может не решить проблем, возникающих в результате сегрегации или исключения социальной группы по географическим, этническим, религиозным или экономическим признакам²¹. Поэтому необходимо различать позитивные формы социального капитала, которые способствуют коллективному благополучию, и негативные, связанные с различными формами дискриминации и даже преступности. Поскольку социальный капитал — это «не всегда хорошо», требуется концептуально уточнять характеристики социальных связей или сетей, сопровождающих социальный капитал. Они могут либо способствовать внутренней групповой сплоченности (*изолирующий социальный капитал — bonding social capital*), либо преодолевать социальные разрывы, связывая различные социальные группы (*связующий социальный капитал — bridging social capital*)²².

По мнению Муди и Пакстона²³, подход, основанный на выявлении социальных связей, следует отличать от другого подхода, согласно которому возможен социальный капитал без социальных сетей. В этом случае социальный капитал можно представить как

18. Durston, J. (1999) "Building Community Social Capital", *Cepal Review* 69: 103–118.

19. Putnam, R. (1993) "The Prosperous Community", *The American Prospect* 4(13): 35–43.

20. Coleman, J. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

21. Portes, A., Landolt, P. (1996) "The Downside of Social Capital", *The American Project* May 1: 18–22.

22. Putnam, R., Goss K. (2002) *Democracies in Flux. The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. New York: Oxford University Press.

23. Moody, J., Paxton P. (2009) "Building Bridges: Linking Social Capital and Social Networks to Improve Theory and Research", *American Behavioral Scientist* 11(52): 1491–1506.

ценности, чувства, привязанности, идентичности, слабо связанные с людьми, не требующие членства в социальной сети. Во многих исследованиях доверие к незнакомым людям или к институтам обычно рассматривается как косвенный показатель социального капитала.

Однако именно сочетание сетей и социального капитала позволяет нам углубиться в изучение последнего, поскольку, чтобы понять, как чувства удерживают группу вместе, нам нужно знать сети, в которые вовлечены ее члены. Аналогично, чтобы изучить сети, нам нужно понять, что связи различаются в зависимости от содержания.

Теория социального капитала утверждает, что членство в добровольных ассоциациях способствует развитию гражданской жизни. В ранних формулировках среди ассоциаций не упоминаются церкви, где практики и условия могут отличаться от тех, что свойственны нерелигиозным организациям. Религиозные убеждения сами по себе не создают социального капитала; однако те, кто регулярно посещает церковь, скорее всего, будут чаще участвовать в светских организациях, выборах и других формах гражданской активности²⁴.

Христианские церкви предлагают пространство для развития постоянных отношений между их членами, поскольку контакты все время возобновляются и поощряются такими ценностями, как щедрость и альтруизм. Существование связи между религией и социальным капиталом не следует считать самим собой разумеющимся, поскольку производство и качество последнего может быть разным в разных церквях. Некоторые церкви более социально разнообразны, чем другие, с точки зрения возраста их прихожан, этнической принадлежности, образования, места жительства или социально-экономического статуса, что создает различные условия для формирования социального капитала. Доктрина или теология церквей может, в свою очередь, поощрять или ослаблять участие их членов в общественной жизни. Наконец, властные отношения внутри церквей могут быть далеки от демократической практики. Во всех этих случаях мы обнаруживаем различные формы и качества социального капитала. Как следствие, связь между религией и социальным капиталом может принимать различные формы.

В некоторых исследованиях обсуждалось влияние религиозных убеждений на политические установки. Вутнау²⁵ утверждает, что ис-

24. Putnam, R., (2000) *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.

25. Wuthnow, R. (1999) "Mobilizing Civic Engagement: the Changing Impact of Religious Involvement", in Skocpol, T., Fiorina, M. *Civic Engagement in American Democracy*, pp. 331–363. Washington DC: Brookings Institution.

торические протестантские церкви распространяют свою гражданскую активность на общество, действуя на национальном уровне, в то время как евангелические церкви не переносят свои гражданские привычки на общество в целом, концентрируясь на индивидуальном благочестии или корпоративных задачах. Валенсуэла, Скалли и Сомма²⁶ подчеркивают, что в Латинской Америке существует связь между религиозной идентичностью и политическими расхождениями, утверждая, что религиозная идентичность часто влияет на политические позиции людей. Исследования социального капитала и добровольных ассоциаций в Чили не затрагивают напрямую проблему соотношения двух последних и не рассматривают специфическое влияние членства в церкви.

Поэтому стоит задаться вопросом, на примере изучения чилийских евангеликов, производит ли каждая христианская традиция разные типы социального капитала, который, в свою очередь, выражается в различных формах гражданской активности. Мы изучим этот вопрос, рассматривая членство в различных церквях в его связи с социальными связями, участием в добровольных ассоциациях, доверием и политическими установками. Мы ожидаем обнаружить более высокую вовлеченность в решение общественных вопросов, что свидетельствовало бы о том, что евангелики покидают «убежище масс».

Некатолические христиане Чили: история и типология

Евангелические традиции в Чили имеют глубокие исторические корни, документально подтвержденные с начала XIX в. Первые протестантские церкви в Чили ориентировались на проживающих в стране не-католиков, особенно англичан и немцев. Методистская церковь появилась в 1877 г. с целью проповеди среди чилийцев; впоследствии, в момент ее духовного обновления (*Revival*) в 1909 г., отделившаяся от нее группа образовала чилийское пятидесятническое движение — случай, уникальный в Латинской Америке. Позже зарубежные миссионеры-пятидесятники, особенно из Ассамблей Бога из США, не встретили поддержки среди местных евангеликов, среди которых доминировали национальные пятидесятники.

26. Valenzuela, S., Scully T., Somma, N. (2008) "Religión, identidad y orientaciones políticas", in E. Valenzuela, et. al. *Vínculos, creencias e ilusiones. La cohesión social de los latinoamericanos*, pp. 105–140. Santiago: Uqbar editores.

На протяжении большей части XX в. чилийские евангелики оставались практически неизвестной группой населения. Подавляющее их большинство были пятидесятниками и принадлежали к обездоленным и дискриминируемым социальным группам, почти невидимым в политическом и культурном плане. В то же время, хотя община пятидесятников сильно выросла во второй половине века, ее не замечали ни политические деятели, ни Католическая церковь.

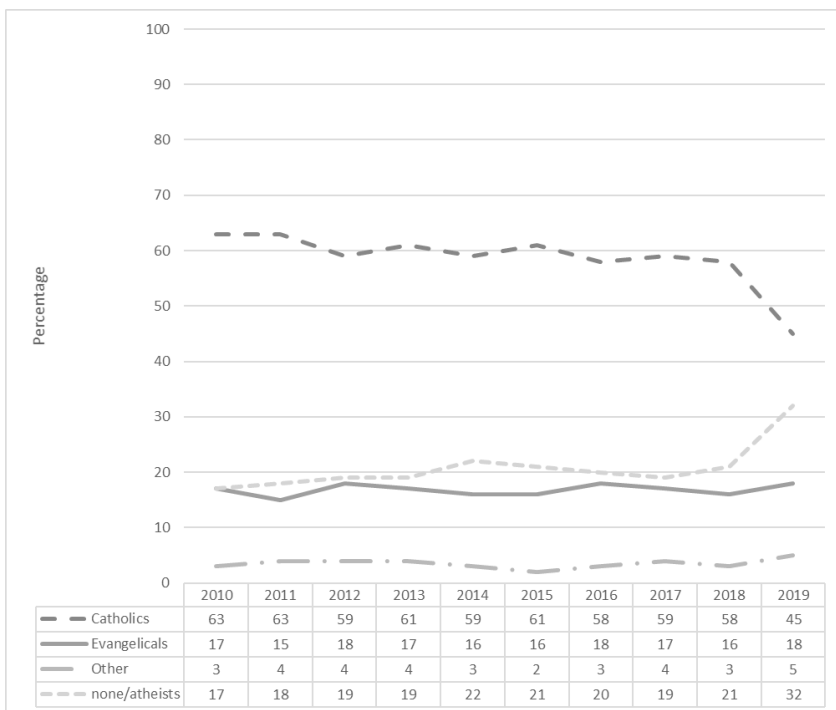
В течение XX в. чилийские евангелики демонстрировали разное отношение к политике. С одной стороны, многие пасторы и члены церкви отвергали политику, изображая ее коррумпированной и лживой, что делало ее несовместимой с христианскими ценностями. С другой стороны, с 1930-х гг. евангелики, включая пятидесятников, вступали в профсоюзы и устанавливали связи с левыми партиями. Например, в горнодобывающем секторе группа евангеликов сформировала отдельную фракцию в Социалистической партии. Сепульведа утверждает, что в 1960-е гг. коммунисты и социалисты обращались к евангеликам из-за сходства социального происхождения их членов, а также потому, что некоторые из евангеликов воспринимали левые проекты с точки зрения достижения целей справедливости, связанных с их верой²⁷. По словам автора, многие евангелики, даже вопреки советам своих пасторов, поддерживали левого лидера Сальвадора Альенде.

Заметный выход евангеликов в публичную сферу произошел в 1974 г., когда несколько консервативных пасторов поддержали военный переворот, а затем, в 1975 г., пригласили генерала Пиночета на первый в истории евангелический *Te Deum* в честь национальной независимости, организованный в качестве альтернативы традиционной католической церемонии. Поддержка диктатуры, лежащая в основе этих инициатив, объясняется тем, что евангелики воспользовались возможностью получить признание со стороны политических властей, которым раньше они не пользовались. С того времени их политический статус только вырос. Так, на ежегодном евангелическом *Te Deum* до сего дня присутствуют представители высшей политической власти страны; кроме того, в 1999 г. в стране был принят Закон о свободе вероисповедания, а в 2008 г. 31 октября было объявлено Национальным днем евангелических и протестантских церквей.

27. Sepúlveda, J. *De Peregrinos a Ciudadanos. Breve historia del cristianismo evangélico en Chile.*

В начале 1990-х Столл утверждал, что евангелики будут продолжать быстро расти за счет сокращения числа католиков²⁸. Однако рост евангелического населения в последние два десятилетия замедлился. Более того, эволюция уровня религиозности чилийцев за последние десять лет показывает резкое сокращение также и католического населения и значительный рост атеистов или людей, не причисляющих себя ни к какой религии. В диаграмме 1 показан этот процесс.

Диаграмма 1: Эволюция уровня религиозности в Чили (процентное соотношение различных групп к общему населению страны)

Источник: Encuesta Bicentenario UC (2019)²⁹.

28. Stoll, D. *Is Latin America turning protestant? The politics of Evangelical Church.*

29. “Encuesta Bicentenario”, Pontificia Universidad Católica de Chile, 2019 [https://encuestabicentenario.uc.cl/wp-content/uploads/2019/11/EB_RELIGION.pdf, accessed on 15.11.2021].

В 2010-е гг., когда католиков стало заметно меньше, на фоне роста числа агностиков или атеистов, евангелическое население за то же десятилетие достигло примерно 16%, что свидетельствует о том, что оно не выиграло от сокращения католического населения. В 2019 г. евангелики и пятидесятники составляли 18% населения; они распределены между более чем 3000 церквей этого вероисповедания по всей стране и являются основным религиозным меньшинством, пользующимся широким культурным и социальным признанием. Однако в отличие от реального положения евангеликов в таких странах, как Гватемала, Перу или Бразилия, в Чили они не являются крупной политической силой.

Исследования евангелических церквей сталкиваются с проблемой представления этого разнообразия в виде значимых категорий. В самом деле, чилийские евангелические общины представляют бесконечное разнообразие теологий и ритуалов, которые различаются настолько, что невозможно установить четкие иерархии или линии различия. Мы классифицировали чилийские евангелические церкви, используя социально-исторические критерии, уточнив те, которые использовались в классических исследованиях чилийских евангеликов³⁰. В данной работе используются следующие категории:

Исторические протестанты: происходят от церквей, возникших во время реформы XVI в. в Европе, которые появились в Чили в середине XIX — начале XX в. К этой категории относятся лютеранская, англиканская, пресвитерианская церкви, среди основных.

Миссионерские церкви: происходят от евангелических церквей и появились в Чили в конце XIX — начале XX в. В отличие от протестантских церквей, они рассматривали Чили как миссионерское поле. К этой категории относятся церкви баптистов, методистов, Христианского и миссионерского альянса, Армии спасения и др.

Национальные пятидесятники: возникли в результате пятидесятнического возрождения в 1909 г. В эту категорию вхо-

30. Игнасио Вергара, а также Лалив Д'Эпинэ классифицировали евангелические церкви, различая «первую реформу» и «вторую реформу» — вслед за появлением английских методистов. Vergara, I. (1962) *El protestantismo en Chile*. Santiago: Editorial del Pacífico; Lalive D'Épinay, Ch. (1968) *El refugio de las masas*. Santiago: Del Pacífico; Lagos, H. (1984). *La crisis de la hegemonía en Chile y la función de las iglesias evangélicas*. Santiago: Publicaciones PRESOR.

дят Пятидесятническая методистская церковь, Пятидесятническая евангелическая церковь, Пятидесятническая церковь Чили и различные пятидесятнические церкви, возникшие на их основе.

Экзогенное пятидесятничество: это церкви, происходящие из США, Швеции или Южной Кореи, появившиеся в Чили в конце 1940-х гг., такие как Ассамблеи Бога и Церковь Бога, которые включили Чили в свой миссионерский проект.

Неопятидесятники: в эту категорию мы включаем экзогенные пятидесятнические церкви, особенно некатолические харизматические церкви, как в случае церкви «Время Бога» или «Ассоциации Винья» (*Viña Association*).

Католики включены в исследование только в сравнительных целях.

В этой классификации мы не рассматриваем церкви Адвентистов седьмого дня, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) и Свидетелей Иеговы, либо потому что они не считают себя частью евангелических церквей, либо из-за внутренних доктринальных различий (адвентистские церкви).

Методология

В данной статье мы рассматриваем особенности гражданского участия в различных евангелических церквях по сравнению с католиками. Сравнение сосредоточено на социальном капитале, то есть способности развивать отношения, нормы и практики, способствующие коллективным действиям.

Социальный капитал относится к тем аспектам социальной структуры, которые создают ценности для сообществ и отдельных людей³¹. Мы рассматриваем три измерения, которые представляют ценность для религий в целом и для евангелических церквей в частности: социальные контакты, доверие и участие в добровольных ассоциациях. Социальные контакты означают связи, которые человек имеет в различных социальных кругах; в нашем исследовании мы спрашиваем о друзьях и их характеристиках. Количество и разнообразие контактов связано с доступом к отдаленным социальным кругам, что ведет к получению дефицитных ресурсов в ближайшем контексте, например, информации. До-

31. Coleman, J. (1990) *Foundations of Social Theory*, p. 302. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

верие означает ожидание того, что люди и институты действуют добросовестно и справедливо. Уровень доверия может быть связан с социальной сплоченностью, то есть с ощущением принадлежности к одному сообществу судьбы. Участие в добровольных ассоциациях считается источником социального капитала, поскольку позволяет диверсифицировать социальные контакты и способствует обучению гражданским практикам. Комбинации опыта взаимодействия и эмоциональных элементов порождают формы социальной структуры, которые могут быть более закрытыми или открытыми с точки зрения их разнообразия и уровня доверия.

Данные для анализа были получены в результате опроса евангелического, протестантского и католического населения в возрасте 15 лет и старше в четырех регионах Чили, где проживает больше всего евангеликов: столичный регион Сантьяго, Био-Био, Араукания и Лос-Риос (число опрошенных: N=754)³². Страты выборки позволяют проводить сравнение между евангелическими деноминациями, а также с католиками со схожим социально-экономическим статусом. Евангелики были классифицированы по церквям путем кодирования ответов на открытый вопрос.

Была произведена взвешенная выборка для евангельского и протестантского населения по деноминации, региона и полу — в сравнении с католиками, проживающими в тех же местах, где были опрошены евангелики. Вес каждой евангелической церкви был определен на основе опроса, проведенного в 2007 году (N: 2388), что также позволило выявить места с наибольшей плотностью членов каждой церкви. Хотя в опросе представлено небольшое количество протестантов (n=37), они включены в анализ, поскольку обычно показывают иные результаты. Опрос проводился в период с мая 2015 г. по май 2016 г. Несколько затянувшаяся публикация результатов связана с операционными трудностями и не влияет на выводы, поскольку опрос сосредоточен на наиболее стабильных аспектах духовности, верований и практик.

32. Опросные исследования евангеликов впервые были проведены Лаливом Д'Эппине (1968), большинство исследований евангеликов являются качественными или историческими.

Результаты исследования

Сначала мы указываем на социальное положение респондентов. Далее мы представляем характеристики социального капитала: связи и доверие. Наконец, мы исследуем гражданскую активность и политическую идентификацию. Социально-историческая классификация служит для сравнения различий между членами разных церквей.

Экономическая активность. Модернизация чилийского общества в последние три десятилетия с интенсивной восходящей социальной мобильностью, связанной с доступом к университетскому образованию, охватила и евангеликов. Поэтому среди них следует выявить социально-экономическое разнообразие, а не рассматривать только группы бедных. Род занятий членов церкви является показателем их социально-экономического положения.

Таблица 1: Род занятий и экономическая активность респондентов³³ (в %)

	Католики	Миссионеры	Экзогенные пятидесятники	Пятидесятники	Протестанты
Неквалифицированный труд	13,0	3,4	19,2	24,0	2,8
Квалифицированный труд/малый бизнес	10,0	15,3	14,2	9,8	11,1
Средне- и низкоквалифицированные работники	29,0	27,1	24,2	30,5	25,0

33. Все таблицы подготовлены авторами статьи.

Средние руководители	26,0	16,9	29,2	22,2	25,0
Пенсионеры	19,9	35,6	10,8	11,6	30,6
Нет данных	2,2	1,7	2,5	1,8	5,6

Социально-экономическое разнообразие среди евангеликов очевидно, хотя категории низшего уровня продолжают доминировать. Большинство респондентов являются низко- и среднеквалифицированными работниками, без особых различий между деноминациями, в диапазоне от 24% до 30%. Также нет различий в квалифицированных профессиях и микробизнесе. Национальные и экзогенные пятидесятники сравнительно беднее, хотя последние демонстрируют большую диверсификацию. Для протестантов характерен сравнительно более высокий статус, что связано с восходящей социальной мобильностью мигрантов европейского происхождения в течение XX в. Особенностью выборки является преобладание пенсионеров среди тех, кто принадлежит к миссионерским церквям.

Социальные связи. Мы рассматриваем два показателя социальных связей: количество друзей и разнообразие социальных контактов. В таблице 2 указано количество друзей — степень вовлеченности в социальные круги вне семьи, которая может быть связана с сетевым разнообразием.

Существуют заметные различия в количестве друзей в зависимости от деноминации. Среди респондентов, утверждающих, что у них более 5 друзей, выделяются протестанты, у которых это 32% от общего числа контактов, и почти половина из них имеет от 3 до 5 друзей. Члены миссионерской, экзогенной пятидесятнической и Католической церквей, как правило, имеют от 3 до 5 друзей. За исключением протестантов, в других церквях от 28% до 33% респондентов имеют одного или двух друзей, что указывает на наличие относительной социальной изоляции. Национальные пятидесятники выделяются тем, что 13% из них говорят, что у них нет друзей, а 31% имеет одного или двух друзей; таким образом, национальные пятидесятники живут в социальной изоляции.

Таблица 2: Процент близких контактов/друзей в разных церквях

	Католики	Миссионеры	Экзогенные пятидесят- ники	Пятиде- сятники	Протестанты
Нет	9,1	9,5	7,2	13,1	5,4
1–2	33,7	28,6	30,4	31,4	13,5
3–5	39,9	44,4	41,6	35,3	48,6
6–10	11,5	9,5	14,4	12,4	21,6
11+	5,8	7,9	6,4	7,8	10,8

Существуют заметные различия в количестве друзей в зависимости от деноминации. Среди респондентов, утверждающих, что у них более 5 друзей, выделяются протестанты, у которых это 32% от общего числа контактов, и почти половина из них имеет от 3 до 5 друзей. Члены миссионерской, экзогенной пятидесятнической и Католической церквей, как правило, имеют от 3 до 5 друзей. За исключением протестантов, в других церквях от 28% до 33% респондентов имеют одного или двух друзей, что указывает на наличие относительной социальной изоляции. Национальные пятидесятники выделяются тем, что 13% из них говорят, что у них нет друзей, а 31% имеет одного или двух друзей; таким образом, национальные пятидесятники живут в социальной изоляции.

Короче говоря, протестанты склонны устанавливать более тесные отношения с более отдаленными социальными кругами, помимо непосредственных социальных связей, в то время как национальные пятидесятники выглядят гораздо изолированнее социально. В других деноминациях, хотя около половины респондентов имеют 3 и более друзей, выделяется значительная группа с небольшим количеством друзей или вообще без них.

Опрос указывает на разнообразие социальных кругов в религиозном, социоэкономическом и культурном аспектах. Проценты в таблице 3 представляют тех, кто имеет знакомых в указанных категориях.

Таблица 3: Разнообразие друзей респондента («среди моих друзей у меня есть...»)

	Католики	Миссионе- ры	Экзогенные пятидесят- ники	Пятиде- сятники	Протестан- ты
Пятидесят- ники	21,1	49,1	76,4	76,0	68,6
Протестанты	21,4	56,6	63,3	53,5	91,4
Католики	85,2	49,1	45,4	50,0	71,4
Атеисты	47,5	38,5	38,3	33,9	75,8
Универ- ситетские специалисты	68,9	73,2	73,5	64,1	94,3
Деловые люди	39,5	31,4	36,0	26,8	45,7
Неквалифи- цированные рабочие	49,1	48,1	53,2	53,0	69,7
Коренные жители	25,7	38,8	33,3	27,6	35,3
Социальные лидеры	25,7	16,0	20,6	16,7	20,6
Геи	18,5	9,6	14,2	14,2	38,2

Что касается религиозного аспекта, то здесь прослеживается четкая тенденция к формированию связей с людьми той же веры. Национальные (чилийские) и экзогенные пятидесятники утверждают, что хорошо знают и понимают друг друга, и это может

быть связано с тем, что различия между этими группами скорее «академические», чем на уровне повседневного общения.

Протестанты демонстрируют, скорее, другую картину: у них есть друзья-протестанты, но они также общаются с католиками, атеистами и, в меньшей степени, с пятидесятниками.

В социально-экономическом измерении существуют некоторые различия в доступе к контактам с высоким социоэкономическим положением (по уровню образования и доходов), таким как у сотрудников университетов. Почти все протестанты имеют друзей среди последних, что значительно выше, чем у пятидесятников и католиков. Социальные связи с неквалифицированными работодателями и рабочими, за исключением протестантов, где они выше, относительно равны среди деноминаций.

Наконец, культурное разнообразие указывает на некоторые различия на низком уровне контактов. Миссионеры и протестанты демонстрируют самый высокий уровень контактов с коренным населением. Это связано с географическим распределением, отчасти с результатом их евангелической миссии, а отчасти с расселением мигрантов чилийским правительством. Связь с общественными лидерами незначительна, особенно среди миссионеров и национальных пятидесятников.

В таблице 4 рассматривается территориальное распределение религиозных контактов. Социальные отношения на близлежащих территориях, как правило, связаны с контактами с похожими людьми. Респондентов просили оценить долю прихожан, живущих рядом с церковью, относительно общего числа опрошенных.

Таблица 4: Доля членов общины, проживающих в одном районе

	Католики	Миссионеры	Экзогенные пятидесятники	Пятидесятники	Протестанты
Почти все	54,8	1,9	17,7	22,4	23,3
Три четверти	7,0	15,1	15,9	13,8	3,3

Половина	4,3	15,1	11,5	17,5	26,7
Менее половины	5,2	22,6	15,9	11,4	16,7
Несколько	7,8	28,3	22,1	20,3	20,0
Не знает	20,9	17,0	16,8	14,6	10,0

Основной контраст наблюдается между евангеликами и католиками. Более половины католиков заявляют, что почти все члены их общины живут в том же районе, в то время как в остальных церквях этот процент заметно снижается. Более того, среди миссионеров, экзогенных пятидесятников и пятидесятников самая многочисленная категория соответствует «нескольким» членам их общин, живущим по соседству.

Католики, очевидно, не делают различий между местами отправления культа и ходят в ту церковь, которая находится ближе всего к их месту жительства. В случае с евангеликами церковь, которую они посещают, является результатом решения, которое может заставить их отправиться в другой район, если местная церковь не соответствует их верованиям и предпочтениям.

Межличностное доверие. Доверие является ключевым измерением социального капитала, поскольку оно выражает социальные связи, качество которых гарантирует отсутствие недобросовестного и беспринципного поведения. Респондентам был задан вопрос о *доверии* среди различных социальных групп, чтобы определить его уровень в различных социальных кругах. В таблице 5 представлен процент людей, доверяющих другим в целом или почти всегда.

Доверие к близким социальным кругам, представленным семьей и друзьями, высоко и одинаково среди деноминаций и поэтому представляет собой обобщенный источник уверенности в социальной жизни. Доверие к пасторам высоко среди не католиков, что контрастирует с более низким доверием католиков к своим священникам. Аналогично, доверие католиков к другим католикам (69%) ниже, чем среди не католиков (от 76% до 85%). Доверие к атеистам относительно низкое во всех конфессиях. Наконец, католики и протестанты склонны относительно больше доверять своим соседям, а доверие к коллегам особенно высоко среди миссионеров.

Таблица 5: Межличностное доверие (всегда или в целом доверяют)

	Католики	Миссио- неры	Экзогенные пятидесятники	Пятиде- сятники	Проте- станты
Семье	93,8	96,8	96,0	92,8	83,8
Друзьям	81,4	86,7	84,5	76,1	80,6
Пасторам	46,7	90,2	92,0	81,5	75,6
Священни- кам	58,8	44,0	37,8	29,1	44,1
Прихожа- нам	69,4	85,3	80,0	78,2	75,7
Атеистам	59,9	48,4	46,0	43,2	66,7
Соседям	64,3	56,9	48,7	48,5	67,5
Коллегам	59,2	72,5	59,4	51,6	60,0

Одним словом, наибольшее доверие оказывается ближайшему социальному окружению. Евангелики, в отличие от католиков, также выражают высокое доверие своим пасторам и прихожанам. Соседи являются источником доверия в основном для католиков.

В целом, доверие среди евангеликов опирается на близкие социальные круги, укрепляемые членами их церкви и пасторами. Католики, в свою очередь, находят меньше поддержки своему доверию в кругах, удаленных от семьи или друзей; в частности, многие католики не доверяют своей церкви.

Таблица 6 показывает доверие к институциям, которое является косвенной или опосредованной формой доверия между людьми. Доверие к институциям отражает ожидание того, что они справедливо распоряжаются предоставленной им властью. Высокий уровень доверия к институциям свидетельствует о сплоченности общества в осуществлении своих прав.

Таблица 6: Процент тех, кто полностью или в значительной степени доверяет следующим институтам

	Като- лики	Миссионе- ры	Экзогенные пятидесят- ники	Пятиде- сятники	Протестан- ты
Местной полиции	44,5	60,6	49,2	52,1	45,9
Вооружен- ным силам	47,9	56,7	45,9	49,5	41,7
Евангеличе- ской церкви	16,5	58,0	66,2	62,0	35,1
Школе	40,4	41,0	33,4	38,1	27,0
Католиче- ской церкви	38,7	14,1	10,0	10,0	2,8
Радио	34,2	25,4	25,4	26,6	27,0
Правосудию	11,6	16,1	9,7	13,5	10,8
Телевидению	16,1	8,1	8,2	8,3	8,1
Парламенту	7,5	13,4	5,8	8,3	8,1

Местная полиция и вооруженные силы получают самый высокий уровень институционального доверия — около 50%. Доверие к этим институтам можно интерпретировать как поиск агента, способного установить порядок в среде, которая содержит угрозу. Когда доверие не выходит за рамки близкого социального круга, общественная жизнь кажется рискованной.

Доверие к церквям — на втором месте. Хотя формулировка вопроса подразумевала, что существует только одна евангелическая церковь, уровень доверия всех евангеликов высок и достигает почти двух третей в выборке. С другой стороны, католики мало дове-

ряют своей церкви (38%), что, как известно, меньше, чем доверие евангеликов к собственной церкви (63%). Религия благоприятствует социальным связям в основном для евангеликов, в то время как католическая вера ассоциируется с недоверием к институту.

Телевидение и радио, а также суды и парламентарии демонстрируют самые низкие уровни доверия в выборке, при этом различия между религиозными убеждениями здесь незначительны. Другими словами, СМИ вносят незначительный вклад в дело сплоченности общества³⁴.

Участие в ассоциациях. В таблице 7 представлен процент респондентов, которые были членами семи типов организаций в течение года, предшествовавшего опросу. Выборка была сформирована из домохозяйств, а не организаций или церквей, поэтому нет причин предполагать, что в рамки выборки попало аномальное количество членов организаций.

Таблица 7: Процент респондентов, являющихся членами следующих добровольных объединений, по типу церкви

	Католи- ки	Мис- сионе- ры	Экзогенные пятидесятники	Пятиде- сятники	Проте- станты	Всего
Сообщество	42,6	55,6	55,6	37,0	48,6	44,0
Образова- ние	24,6	33,3	44,8	34,5	30,6	32,6
Услуги	20,1	50,0	40,0	34,9	29,7	31,8
Группа поддержки	12,7	24,2	31,7	27,1	19,4	22,5
Интернет- группа	21,7	30,6	36,5	29,0	41,7	28,5

34. Результаты нашего опроса близки к результатам, полученным в рамках исследования CEP Survey CEP. Июль-август 2013 года [https://www.cepchile.cl/cep/site/docs/20160304/20160304100324/EncuestaCEP_JulAgo2013_completa.pdf, accessed on 12.12.2020].

Общественное движение	14,3	9,7	11,9	11,6	19,4	12,7
Профсоюз	10,7	6,5	5,6	9,9	16,7	9,4
Участвует как минимум в одном	66,8	84,1	85,7	71,1	73,0	73,3

Уровень участия, представленный в данной выборке (73%), намного выше, чем показано в других исследованиях. В исследовании «Гражданское общество в действии»³⁵ сообщается о 40% опрошенных, которые в какой-то момент участвовали в работе какой-либо организации, и о 27,3%, которые делали это в течение последнего года. Хотя маловероятно, что уровни участия обусловлены вопросом или особенностями дизайна выборки, эти данные следует интерпретировать с осторожностью до получения дополнительных свидетельств.

Члены экзогенных пятидесятнических и миссионерских церквей демонстрируют самый высокий уровень участия в ассоциациях. Общинные, соседские, культурные и рекреационные организации показывают наибольшее участие в данной выборке, хотя оно оказывается несколько ниже среди национальных пятидесятников и католиков. Школьные и университетские организации, такие как центры родителей и опекунов и студенческие ассоциации, также демонстрируют значительный уровень участия, который, однако, ниже среди католиков и протестантов. Аналогичная картина наблюдается и в благотворительных организациях. Участие евангеликов заметно в группах, которые занимаются прямой поддержкой людей с различными проблемами здоровья и представляют собой стандартное направление деятельности этих церквей. Евангелики также выделяются в интернет-группах, что может быть связано с участием в виртуальных вариантах их собственных церквей; однако этот аспект требует дальнейшего изучения. Наконец, уча-

35. Irrarázaval, I., Streeter P (2016). *Sociedad en acción. Construyendo Chile desde las organizaciones de la sociedad civil*. Santiago: Centro UC Políticas Públicas.

стие в социальных движениях, а также в организациях, связанных с миром труда, малочисленно во всей выборке.

В таблице 8 представлен уровень участия в общественной жизни, связанного с ее развитием и отражающего лидерские качества и степень приверженности, характеризующие социальный капитал.

Таблица 8: Процент респондентов, принявших участие в следующих общественных инициативах в течение последнего года

	Католики	Миссионе- ры	Экзогенные пятидесятники	Пятиде- сятники	Проте- станты
Участво- вал в обще- ственном собрании	48,8	63,5	71,4	60,2	70,3
Руководил собранием	40,6	55,6	60,3	51,1	56,7
Общинный проект	33,6	44,4	48,4	39,8	45,9

Евангелики, особенно экзогенные пятидесятники, обнаруживают высокую степень вовлеченности в общинную жизнедеятельность, в которой они используют свои гражданские навыки. Католики, напротив, демонстрируют значительно более низкий уровень участия. Можно сделать вывод, что принадлежность к евангелическим церквам тесно связана с участием в общинной жизни.

Информация и политическая активность. В таблице 9 представлены индекс информированности и индекс политической активности, разработанные на основе анкеты для оценки интереса к политике. Индекс политической информированности варьируется от 0 до 6 и включает следующие пункты: просмотр политических программ по телевидению, чтение новостей о политике, разговоры о политике в семье или с друзьями. Индекс политической активности варьируется от 0 до 8 и включает следующие пункты:

агитировал за кандидата, участвовал в общественных демонстрациях, организовывал общественные демонстрации или участвовал в группах, изучающих политику. В таблице показан процент людей, которые выше среднего по выборке по обоим показателям.

Таблица 9: Процент респондентов выше среднего уровня информационной и политической активности в выборке

	Католики	Миссионеры	Экзогенные пятидесятники	Национальные пятидесятники	Протестанты
Индекс политической информированности	58,8	50,8	51,2	46,8	59,5
Индекс политической активности	34,4	26,2	24,8	23,0	46,0

Таблица 9 показывает, что население более информировано в политических вопросах, чем политически активно. Главный контраст — это бóльшая степень политической информированности католиков (и протестантов) и бóльшая вероятность их политической активности по сравнению с евангелическими церквями. У пятидесятников самый низкий индекс политической информированности; при этом все евангелики демонстрируют также и низкий уровень политической активности.

В таблице 10 представлено согласие респондентов с тремя утверждениями о демократии (желательности демократического режима).

Налицо широкая поддержка демократии независимо от религиозных убеждений. Однако интересно рассмотреть некоторые моменты. Поддержка авторитарного правления больше среди тех, кто принадлежит к миссионерской церкви, в то время как для одной трети национальных пятидесятников тип политического режима в стране безразличен, что выше пятой части, показанной другими деноминациями.

Таблица 10: Процент респондентов, согласных с утверждениями о демократии

	Католики	Миссионер- ры	Экзогенные пятидесятники	Пятидесят- ники	Проте- станты
В некоторых случаях авторитарное правление предпочтительнее	13,9	19,0	15,1	9,5	5,4
Демократия всегда предпочтительнее	62,7	57,1	61,1	57,4	78,4
Форма правления не имеет значения для таких людей, как я	23,0	20,6	20,6	32,7	16,2

В таблице 11 представлены данные о политической позиции респондентов, включая категорию отсутствия политической идентификации.

Таблица 11: Политическая самоидентификация

	Католики	Миссионер- ры	Экзогенные пятидесят- ники	Пятиде- сятники	Проте- станты
Отсутствие политической позиции	46,7	49,2	60,3	63,4	43,2

Правые	8,2	14,3	8,7	8,1	8,1
Правоцентристы	7,4	6,3	11,9	8,5	8,1
Левострашисты	11,5	20,6	6,3	8,1	21,6
Левые	25,4	7,9	11,1	11,6	18,9

По вопросу о политической позиции большинство пятидесятников и экзогенных пятидесятников указывают, что у них нет политической позиции (62%), и это контрастирует с примерно 45% в других церквях.

Католики больше склонны идентифицировать себя с левострашистами и левыми (37%). Похоже, что пятидесятники находят убежище от политики в своих церквях, не особо заботясь о форме правления и держась подальше от политических идентификаций.

В таблице 12 представлена степень согласия с несколькими утверждениями об отношении религии и политики.

Мнения евангеликов и католиков о связи между церковью и политикой контрастируют. Евангелики напрямую связывают обязанности правительства с защитой нравственности. Более того, хотя все согласны с тем, что религия не должна использоваться в политических целях, евангелики ожидают, что их религиозные лидеры будут оказывать влияние на правительство. Евангелики, в отличие от католиков, также ожидают, что христиане будут занимать государственные должности.

Кроме того, евангелики чаще, чем католики, готовы прислушиваться к своим лидерам в вопросе о том, как голосовать. Евангелики не будут голосовать за кандидатов-евангеликов только на основании исповедуемой ими религии. Также и идея создания евангелической политической партии не находит широкой поддержки, хотя и имеет определенный отклик среди экзогенных пятидесятников.

Короче говоря, евангелики, особенно пятидесятники, судя по всему, дистанцируются от политической активности и скорее предпочитают следовать в данном случае своим пасторам, чем действовать самостоятельно. Они тесно связывают религию с осу-

щественным гражданских прав в случае, если законы направлены против христианской морали. В обоих аспектах они, похоже, далеки от католиков, которые демонстрируют противоположную модель поведения.

Таблица 12: Процент респондентов, которые полностью или частично согласны с утверждениями о соотношении христианской веры и политики — вне зависимости от принадлежности к конкретным церквям

	Католики	Миссионеры	Экзогенные пятидесятники	Пятидесятники	Протестанты
Правительство должно защищать мораль	62,8	80,0	89,4	81,9	66,7
Церкви должны противостоять антихристианским законам	35,0	62,1	80,3	71,6	59,4
Религия не должна использоваться в политических целях	74,7	78,3	69,3	70,7	77,8
Религиозные власти не должны влиять на правительство	66,1	36,9	28,9	42,6	62,1

Религия не должна влиять на голосование	73,3	61,0	57,4	69,5	91,9
Христиане должны занимать государственные должности	19,2	52,6	59,6	44,4	38,9
Я бы проголосовал за евангелика из любой партии	26,7	15,5	24,5	26,3	8,6
Христиане должны создать свою политическую партию	11,3	16,4	25,5	13,9	12,1

Заключение: социальный капитал, гражданское сознание и религия

Согласно идее о социальном капитале, членство в добровольных ассоциациях должно вносить положительный вклад в качество гражданской жизни³⁶. Более конкретно это предполагает, что качество социального капитала должно быть связано с религиозными практиками³⁷.

Социальный капитал евангеликов и сопоставимой группы чилийских католиков обнаруживает некоторые общие черты, но также и заметные контрасты. Количество и разнообразие друзей отличает национальных пятидесятников от других групп,

36. Putnam, R. *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*.

37. Putnam, R., Campbell, D. (2010) *American Grace. How Religion Divides and Unites Us*.

поскольку первые выглядят более изолированными в своей социальной жизни, хотя они компенсируют социально-экономическое разнообразие в своих контактах. Межличностное доверие согласуется с небольшим количеством контактов, демонстрируемых респондентами. Фактически семья и друзья — это основные сферы доверия в выборке. За пределами этого тесного круга евангелики проявляют доверие к своим пасторам и членам своих церквей. Католики, напротив, меньше доверяют священникам и прихожанам, проявляя больше доверия к соседям. Рост доверия среди евангеликов поддерживается церквями, тогда как у католиков доверие слабо проецируется на их соседей. Евангелики также демонстрируют высокий уровень вовлеченности в общинные инициативы, выполняя лидерские роли, что особенно характерно для экзогенных пятидесятников. В целом, сети, поддерживающие социальный капитал, относительно невелики, при этом у евангеликов они несколько разнообразнее, чем у католиков. Доверие характерно для наиболее тесных социальных кругов и социально проецируется через церкви у евангеликов и через соседство у католиков. Наконец, участие в проектах и мероприятиях ассоциаций, как правило, выше среди евангеликов, без каких-либо различий между деноминациями.

Наши результаты в определенной степени ставят под вопрос постулаты теории социального капитала, поскольку наличие социального капитала у евангеликов не способствует широкому гражданскому участию. Опрос показывает, что большинство поддерживает демократию, что выше среднего уровня поддержки авторитарного правления, а также демонстрирует отсутствие интереса к типу политического режима, что больше характерно для евангеликов по сравнению с католиками и протестантами. Евангелики менее склонны к выработке политической идентичности, чем католики; аналогично, они менее информированы и менее активны в политической сфере. Более того, ориентации евангеликов в отношении политической активности в большей степени, чем у католиков, воспроизводят модели иерархических отношений, поскольку первые ожидают, что их пасторы будут представлять их в политической жизни и направлять их голосование. Будущие исследования должны прояснить, почему добровольное участие в общинной жизни ориентировано на направления, отличные от тех, на которые указывали теоретики концепции социального капитала.

Другие вопросы, касающиеся политического участия евангеликов, также заслуживают внимания: например, в какой мере

их взгляды учитываются политиками и властями; каким образом политика того или иного режима влияет на социальную жизнь евангеликов.

Перевод с английского Александра Кырлежева

Библиография / References

- Bastian, J. P. (1997) *La mutación religiosa en América Latina. Para una sociología del cambio social en la modernidad periférica*. México: Fondo de Cultura Económica.
- Cleary, E., Sepulveda, J. (1998) "Chilean Pentecostalism: Coming of Age", in E. Cleary, H. Stewart-Gambino (eds) *Power, Politics and Pentecostals in Latin America*, pp. 97–122. Boulder: Westview Press.
- Coleman, J. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Coleman, J. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Durston, J. (1999) "Building Community Social Capital", *Cepal Review* 69: 103–118.
- Fontaine, A., Beyer, H. (1991) "Retrato del movimiento evangélico a la luz de encuestas de opinión pública", *Estudios Públicos* 44: 63–124.
- Freston P. (2004) *Evangelicals and Politics in Asia, Africa and Latin America*. Oxford University Press.
- Freston, P. (1998) "Pentecostalism in Latin America Characteristics and Controversies", *Social Compass* 45 (3): 335–358.
- Irrarázaval, I., Streeter P (2016). *Sociedad en acción. Construyendo Chile desde las organizaciones de la sociedad civil*. Santiago: Centro UC Políticas Públicas.
- Lagos, H. (1984). *La crisis de la hegemonía en Chile y la función de las iglesias evangélicas*. Santiago: Publicaciones PRESOR.
- Lalive D'Epina, Ch. (1968). *El refugio de las masas*. Santiago: Del Pacífico.
- Lindhardt, M. (2012) *Power in Powerlessness. A Study of Pentecostal Life Worlds in Urban Chile*. Leiden-Boston: Brill.
- Lindhardt, M. (ed.) (2016) *New Ways of Being Pentecostal in Latin America*. Lanham: Lexington Books.
- Mansilla, M. A. (2018) *Evangélicos y política en Chile, 1960–1990: Política, apoliticismo y antipolítica*. Universidad Arturo Prat del Estado de Chile. RiL Editores.
- Mansilla, M. A., Orellana Urtubia, L., Panotto, N. (2018) "La participación política de los evangélicos en Chile (1999–2017)", *Revista Rupturas* 9(1): 175–204.
- Martin, D. (1990) *Tongues of Fire*. Blackwell Publishers, Oxford.
- Moody, J., Paxton P. (2009) "Building Bridges: Linking Social Capital and Social Networks to Improve Theory and Research", *American Behavioral Scientist* 11(52): 1491–1506.
- Park, J., Sharma, G. (2015) "Religion and Social Capital: Examining the Roles of Religious Affiliation and Salience on Parental Network Closure", *Religion & Education* 2: 162–167.
- Park, J., Sharma, G. (2015) "Religion and Social Capital: Examining the Roles of Religious Affiliation and Salience on Parental Network Closure", *Religion & Education* 43 (2): 162–167.

- Portes, A., Landolt, P. (1996) "The Downside of Social Capital", *The American Project* May 1: 18–22.
- Putnam, R. (1993) "The Prosperous Community", *The American Prospect* 4(13): 35–43.
- Putnam, R., (2000) *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.
- Putnam, R., Campbell, D. (2010) *American Grace. How Religion Divides and Unites us*. New York: Simon & Schuster.
- Putnam, R., Campbell, D. (2010) *American Grace. How Religion Divides and Unites Us*. New York: Simon & Schuster.
- Putnam, R., Goss K. (2002) *Democracies in Flux. The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. New York: Oxford University Press.
- Rudolph, S. (1996) "Transnational Religion, the State and Global Civil Society", in Rudolph, S., Piscatori, J. *Transnational Religion & Fading State*, pp. 1–26. New Jersey, London: Routledge.
- Sepúlveda, J. (1999) *De Peregrinos a Ciudadanos. Breve historia del cristianismo evangélico en Chile*. Santiago: Fundación Konrad Adenauer.
- Stoll, D. (1990) *Is Latin America Turning Protestant? The Politics of Evangelical Church*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Valenzuela, S., Scully T., Somma, N. (2008) "Religión, identidad y orientaciones políticas", in E. Valenzuela, et. al. *Vínculos, creencias e ilusiones. La cohesión social de los latinoamericanos*, pp. 105–140. Santiago: Uqbar editores.
- Vergara, I. (1962) *El protestantismo en Chile*. Santiago: Editorial del Pacífico; Lalive D'Épinay, Ch. (1968) *El refugio de las masas*. Santiago: Del Pacífico.
- Williams, R. (1999) "Visions of the Good Society and the Religious Roots of American Political Culture", *Sociology of Religion* 60 (1):1–34.
- Wuthnow, R. (1999) "Mobilizing Civic Engagement: the Changing Impact of Religious Involvement", in Skocpol, T., Fiorina, M. *Civic Engagement in American Democracy*, pp. 331–363. Washington DC: Brookings Institution.